

26 сентября, пятница

Как только я просыпаюсь, я осознаю, что сегодня хороший день. Несмотря на то, что после вчерашней драки у меня все болит. Несмотря на то, что я сильно не выспался. Даже несмотря на то, что дома очень холодно и нужно вставать с тепленькой постельки и идти в школу.

А все из-за некоторых людей. Хороших на самом деле людей.

Вадим. Вадим снова рядом. Теперь Вадим действительно друг.

Клевер. Никогда не думал, что он осмелится пойти против толпы, поддержать меня.

Максим. Он всегда рядом.

Васек, Петька, Гришка... Они... ошибались... Они не все еще поняли, но они на верном пути.

Когда я вхожу в класс, Вадим сразу подходит ко мне, робко спрашивает:

— Можно сесть рядом с тобой?

— Конечно, — не могу сдержать улыбки я.

Так мы сидим на всех уроках вместе и разговариваем в течение всего дня, пока нас не рассказывают (о, дети — цветы жизни!) подальше друг от друга.

Из-за этого общения я и получаю по биологии тройку за работу на уроке. Но я не буду оправдываться перед собой. Все оправдания — лишь щит, которым прикрываются люди от укоряющих ударов совести.

Да... Насчет учебы... Для следующего этапа олимпиады надо написать психологическую сказку о путешествии неодушевленного предмета.

Я говорю об этом Вадиму, на что он предлагает:

— Может, о конфете?

— И какое это будет путешествие? Путешествие по желудку? — смеюсь я.

— Ага. Интересно, чем тогда закончится это путешествие, — подыгрывает мой друг.

Так мы весело проводим время. И мое хорошее настроение не становится хуже со временем, ведь Радия сегодня нет. Сегодня я ощущаю насколько хорошо, когда у тебя есть человек, с которым действительно весело разговаривать. Человек, который не загружает тебя темами, которые тебе не интересны, как это делает Аркадий.

Но все то время, что я разговариваю с Вадимом, я помню о Максиме. Мы встречаемся с ним на большой перемене, и как-то случайно у нас завязывается разговор о... о чем, как бы вы думали? О смерти.

— ...И только когда люди понимают, что скоро умрут, они понимают всю мелочность повседневных волнений и дел...

— А... что будет... там? — тихо спрашиваю я.

— Кто знает... Саша, ты иногда задаешь такие вопросы, которые... — Максим недоговаривает, только делает непонятный жест руками. — Рассказать тебе свое мнение по этому поводу?

— Расскажи, — улыбаюсь я. Мне на самом деле очень интересно.

Максим говорит, говорит... И я пью его мысли как воду и никак не могу насытиться. Кажется, слушать его — лучше, чем пить после долгой жажды, чем есть после долгого голода, чем спать после нескольких бессонных ночей... Это такое духовное насыщение, которого мне так не хватало, когда Максима не было в моей жизни.

Мне кажется, Максим прав во многих суждениях. Но пересказывать кому-то его слова на эту тему не имеет смысла: люди либо не поймут, либо не согласятся по своей глупости. А если и поймут, то они были в состоянии сами подумать об этом, и ничья помощь им не нужна. Да, лучше пусть думают сами, что будет там... И как жить тут... Я их могу только направить. Мягко, не слишком навязчиво, чтобы они не обиделись и не обозлились на меня. Так, чтобы поняли, что я хочу донести.

Перед сном я, конечно... Смотрю в окно, не могу не смотреть...

Красиво. Каждый раз по-новому красиво, хоть этот городской пейзаж уже не сменяется столько лет.

Мне так нравится... Как гнутся под ветром деревья, как горят в темноте фонари. Мне так нравится, что небо не по-детски голубое, а серое, вздумчивое. И все вокруг... будто черно-белая фотография, при взгляде на которую появляется то странное, неповторимое ощущение старины и покоя. Мне так нравится... нравится этот мир.

5.

29 сентября, понедельник

Первый урок у нас проходит спокойно. Да и что особенного может быть на психологии? Полкласса прогуливает... Среди них и Радий, который, все же, приходит ко второму.

Вторым уроком у нас физкультура. Но... физрук внезапно заболел, и урока не будет. Нас запускают в пустой класс и оставляют там без присмотра.

Правильно ли, что присматривать нужно только за маленькими детьми? Нет, неправильно. Присматривать нужно за всеми. Особенно за нашим классом.

Но, к счастью, мы в этот раз не разносим школу. А все потому, что мы нашли более тихое занятие — карты.

Да, кто-то принес их в школу. Да, это нарушение школьного устава. Да, я не знаю, как он додумался сделать это. Да, если бы учителя это видели, то этот человек бы понес серьезное наказание.

Да, никто ни за что не сдал бы человека, сделавшего это. Да, эти карты принес я.

Первый кон мы играем вдвоем с Вадимом, а остальные просто сидят на партах и о чем-то оживленно болтают, временами заинтересованно поглядывая в нашу сторону. Потом нерешительно подходят Петька, Гришка и Васька...

И вот мы играем уже впятером, и хоть я раньше и не испытывал желания играть со своими бывшими приятелями, теперь я уже не могу остановиться...

Васька, Петька и Гришка в процессе игры переговариваются между собой, вставляют редкие комментарии по поводу моих ходов. Я иногда высказываюсь о том, как играют они. Высказываюсь... Отрицательно? Нет, не отрицательно... Положительно? Нет, не положительно...

Слышу, что одноклассники, которые не играют с нами, смеются. Поднимаю глаза. В центре этой небольшой толпы Радий. Самодовольно ухмыляющийся. Смотрящий прямо на меня.

— Так давай, покажи этим слабакам, как нужно играть, — предлагает моему врагу один из парней.

— Да они меня не стоят! — презрительно произносит Резерфордьеv и делает вид, что хочет отвернуться от меня.

— Давай! Давай! — теперь уже кричат почти все парни.

Радий усмехается, но немного... ненатурально. Видно, что он совсем не рад тому, что ему придется играть с нами.

Тем не менее в следующий раз мы раздаем уже на шестерых, по пять карт каждому. Выигрывает Вадим. После долгой борьбы с Гришкой проигрывает Петька...

— Ну так вообще неинтересно играть! — вдруг обиженно восклицает он. — Вшестером! Это же вообще нереально!

— Да, я тоже так думаю, — поддакивает Гришка.

Видно, что Васек хочет еще поиграть, но... Раз его друзья уходят, то и он тоже уйдет. Под их влиянием.

Остаемся мы с Вадимом и Радием.

Я чувствую волнение в груди, одновременно приятное и неприятное — некоторый адреналин и немного страх, что проиграю. Раньше, когда мы играли с Резерфордьеvым, было по-другому. Еще бы, тогда он думал, что я его союзник!

Вадим смотрит на меня испытывающим взглядом. Он понимает возникшую ситуацию.

Раздаем. Козырь бубны. Как всегда, самое интересное начинается в конце, когда уже вся

колода разобрана. Радий ходит пиковым валетом, Вадим отбивается королем той же масти... Резерфордьеv подкидывает крестового валета, и мой друг забирает. Недоуменно смотрю на Вадима. Неужели отбиться нечем? Пойдите-ка, а ведь мой друг забрал последнюю козырную карту... Ага, подмигивает. Поддается...

Радий выигрывает. Мой друг помогает мне не стать объектом насмешек и, можно сказать, забирает поражение себе...

После этого кона в воздухе чувствуется напряжение. Радий пристально смотрит на меня, потом переводит взгляд на моего спасителя.

— Вадим, — обращается Радий к моему другу. — Иди-ка ты покури... А я с этим пока разделаюсь.

Вадим отходит к кругу наблюдателей, и мы остаемся с Резерфордьевым вдвоем.

— Радий! Радий! — кричит толпа одноклассников.

Ситуация чем-то напоминает нашу с Радием драку в четверг... Но все лучше, все цивилизованней...

Но у меня есть союзники... И это очень радует.

Мы играем. Мы играем в обычного дурака, но... просчитывая все на несколько ходов вперед, как шахматисты... Кому будет приятно проиграть своему врагу?

Это сложный кон, но в конце концов у нас выходит ничья.

Я рад... Радий, видимо, тоже, хотя всем своим видом пытается показать, что разочарован... Будто на протяжении всей игры был уверен в своей победе...

Так и проходит этот понедельник... Немного необычный и очень насыщенный переживаниями.

Ночью я открываю окно, и в комнату врывается холодный воздух, который тут же наполняет легкие и разум. Сейчас мое сердце живет, и оно забыло боль, которую испытывало недавно. Сейчас мое сердце будто вдыхает этот морозный воздух. Сейчас я будто счастлив.

30 сентября, вторник

Странное утро. Будто я и не спал дома, а ночевал где-то в школе. И одеваюсь сейчас не я. И собираюсь сейчас не я. И кладу учебники в сумку тоже не я. И вхожу в школу тоже, кстати. Это не я, это моя тень. А я... сплю.

Школьники, школьники, школьники... Все тянутся бесконечными потоками по коридорам, постепенно вливаясь в классы... И я — лишь малая часть этого потока, в котором у каждого человека

свои мысли и свои чувства. Но все же они... нет, все мысли... простые капельки воды...

И я испытываю желание поддаться всеобщему веселому настроению, но... у меня почему-то не получается сделать это. Мешает какой-то внушенный барьер.

Когда я поднимаюсь по лестнице на первый урок, вдруг случается то, что сгоняет мой сон мгновенно и безвозвратно. На мою бедную головушку-у-у... тихо и мирно... выливают ведро ледяной воды!

Я вскрикиваю, подскакиваю на месте. Смотрю вверх. Самодовольно ухмыляющийся Радий. Кто же еще?

Одежда неприятно липнет к телу, мне холодно... Но я тут же бросаюсь по лестнице к своему врагу, чтобы отомстить... Жаль, не успеваю, потому что раздается звонок на урок, и Резерфордьеv (уже успевший куда-то запрятать пустое ведро) спокойно и вполне невинно входит в класс. А мне что делать?

Я решаюсь войти в класс. С меня стекает вода, оставляя по ходу моего движения на полу вытянутые лужицы. Громко бухаю сумку на парту.

Учительница химии некоторое время смотрит на меня, но из класса не выгоняет.

— Что с тобой случилось? — наконец спрашивает она.

— Меня кто-то облил водой, — хмуро проговариваю я.

— Сходи домой, переоденься. Хорошо?

Учительница смотрит на меня понимающим взглядом, будто тоже попадала в такую ситуацию. Но я знаю, я чувствую, что такой ситуации не было и не могло быть в ее жизни. Так почему иногда люди так проникновенно говорят, будто понимают твои чувства? Может... все еще жива в мире человеческая солидарность?

— Хорошо, — вздыхаю я.

Представляю, как холодно будет идти домой. Как лень будет переодеваться. Но еще хуже — сидеть здесь в таком виде.

На следующей перемене я разговариваю с Максимом. Мы долго стоим у кабинета истории, где у нас должен быть следующий урок, и я рассказываю своему другу все, что у меня на душе. Он сочувствует мне, но план мести не предлагает. Я и сам против мести. Пусть этим занимаются такие же низшие существа, как Радий. А люди, которые хоть чего-то стоят, не должны мстить. *Никогда.*

— Саш... Ты чего молчишь-то? Саша... — Максим махает рукой у меня перед глазами, выводя из задумчивости.

— Прости... Что ты сказал?

— Хочешь, сегодня после школы ко мне зайдем?

— Неожиданно... — улыбаюсь я. — Ладно, хорошо.

Максим открывает дверь своей квартиры ключом, и мы заходим внутрь. Первое, что я чувствую, — приятный аромат кофе, распространяющийся по всей квартире. Я слышу, что на кухне работает телевизор.

Под ногами что-то скачет, и я опускаю глаза вниз. Это Каська. Бело-рыжая пушистая собака добродушно смотрит на меня.

Мы с Максимом снимаем с себя скучную осеннюю верхнюю одежду и проходим на кухню.

За столом сидят две женщины преклонного возраста. Одна из них, видимо, бабушка моего друга, чистит картошку, иногда поглядывая на телевизор. Другая, скорее всего соседка, расслабленно пьет кофе и смотрит в окно.

— Познакомьтесь, — с улыбкой проговаривает Максим, привлекая внимание. — Это Саша, мой лучший друг.

Я смущенно улыбаюсь. *Лучший друг...*

— Матрена Петровна, — улыбается мне бабушка Максима.

— Ольга Ивановна, — представляется соседка, пьющая кофе.

Матрена Петровна рассматривает меня с головы до ног и кивает:

— Хороший мальчик. Посидите пока в комнате, суп сейчас уже будет готов.

Мы идем по коридору к комнате Максима. Он открывает передо мной дверь, приглашая внутрь. Входим.

Приятное такое место. Обои и диван спокойного синего цвета. Обычный шкаф для одежды, деревянный красивый письменный стол... Черное компьютерное кресло. У кого такого нет? Ноутбук белый, вокруг него лежит много разной гарнитуры: какие-то кабели, провода, зарядки для телефона и плеера, колонки для компьютера, несколько пар различных наушников... Все это прекрасное разнообразие занимает чуть ли не весь стол. Еще тут, в комнате, есть книжный шкаф... Как же без него? Я же не в комнате Радия.

А еще... Можно сказать, что в этой комнате рабочий беспорядок. Да, именно так. Это не бардак, когда большую часть лежащих не на своем месте вещей составляет одежда или фантики от конфет. То, что творится в комнате Максима, — настоящий рабочий беспорядок, потому что не на своем месте большей частью лежат книги. Видно, что им не хватает места в книжном шкафу, и

они, как какие-то странные растения, с каждой неделей все «разрастаются» и постепенно заполняют всю комнату. Книги уже пустили корни на столе, на подоконнике, на полу... Что ж, им можно все.

Вдруг вспоминаю, что должен срочно позвонить родителям и предупредить, что зашел в гости к своему другу.

Почему-то я мало думаю о своей семье. Может быть, потому, что эта тема меня попросту не интересует. Будто семья и я — две совершенно не связанные между собой вещи.

Прошу у Максима домашний телефон. Когда друг приносит мне трубку, я набираю нужный номер.

— Мам... Я тут к другу зашел... Да, я поем тут... Да сделаю я твои уроки, успокойся! Хорошо, к девяти буду дома... Давай, пока.

Кладу трубку и радостно смотрю на Максима. У нас еще куча времени!

— Ну что, чем займемся? — спрашивает Максим.

— Саша, Максим, идемте обедать, — добродушно проговаривает Матрена Петровна, приоткрывая дверь.

Ну... Обедать так обедать!

Когда мы заходим на кухню, соседка встает со своего места, ставит чашку из-под кофе в раковину и уходит куда-то вглубь дома. Я провожаю ее недоуменным взглядом. Странная женщина.

Во время обеда мы разговариваем с Матреной Петровной о всяких пустяках. Добрая и хозяйственная старушка.

Когда мы с Максимом возвращаемся в его комнату, он спрашивает у меня:

— Ну? Как тебе мои бабушки?

Я несколько секунд недоумевающе смотрю на него, потом еле проговариваю:

— Бабушки? Ольга Ивановна тоже твоя бабушка? Я думал, она соседка...

— Соседка? — смеется Максим.

— Она произвела на меня странное впечатление, — говорю в свою защиту я.

— Ничего, скоро привыкнешь, — неожиданно холодно проговаривает Максим.

— Я не хочу привыкать, — тихо бубню я.

К счастью, Максим меня не слышит. Или по крайней мере делает вид, что не слышит.

— Что будем делать? — резко меняет тему он.

— Можно поиграть в комп... — осторожно предлагаю я.

Оказывается, Максим — знатный геймер! Я и не мог такого представить. Обычно видишь че-

ловека, занятого учебной, и даже подумать не можешь, что у него есть какие-то весомые развлечения. Смотришь на кого-то умного и думаешь: «Да ну нет! Уж его-то точно не интересует такая ерунда!» А в жизни оказывается, что еще как интересно.

Максим вот увлекся киберспортом и думает года через два участвовать в международном чемпионате. Когда он мне об этом рассказал, передо мной открылся совсем иной мир. Киберспорт — это игры профессионалов, где важны выбор героев, тактика, стратегия и слаженность команды. Игра транслируется онлайн в Интернете и сопровождается голосами комментаторов. А после игры еще включается студия аналитики, которая оценивает общую тактику, те или иные действия игроков. Оказывается, на игре в компьютерные игры можно зарабатывать деньги! Причем большие деньги!

Я и не представлял, насколько это масштабно и дорогостояще — финал международного чемпионата по киберспорту. Насколько большую публику этот финал собирает, как дорого продаются билеты, как много зарабатывают на атрибутике, сколько людей смотрят эти игры онлайн, а сколько готовы пойти ради этого в кинотеатр, арендованный предприимчивыми людьми, и посмотреть это на большом экране. Сколько людей переодеваются в героев игр и как много людей хотят посмотреть на это, с какой быстротой двигается чат с комментариями к игре и как зрители болеют за любимую команду.

Часа через два раздается звонок в дверь, и мой друг улыбается:

— Папа пришел с работы.

— А твоя мама когда придет? — тут же спрашиваю я.

— Ты ее не увидишь, она работает допоздна, — отвечает Максим.

Мы выходим из комнаты Максима. Нужно же поздороваться с человеком, в конце концов?

Сейчас из всего, что Максим рассказывал о своем папе, я помню только то, что он генеральный директор чего-то там... и... чего-то там... А еще то, что он просто хороший человек.

Папа Максима передает Матрене Петровне пакет с продуктами, в котором «есть все, что заказывала Ольга Ивановна»... После этого я знакомлюсь с отцом своего друга, пожимаю ему руку. Почему-то имя его тут же забываю.

Когда мы возвращаемся в комнату Максима, разговор снова плавно перетекает к Ольге Ивановне.

— Ну как тебе сказать... Просто у нее очень много заскоков. А еще у нее серьезная болезнь... Но я считаю, что это не оправдывает такое поведение, — задумчиво говорит Максим.

— Ты знаешь... Мне показалось, что она здесь словно чужая. Словно здесь ее быть и не должно... Будто не место ей в этой семье... Прости, но у меня сложилось такое впечатление, будто у нее нет никаких обязанностей, она не работает и не помогает по дому, однако считается здесь за королеву.

— Она действительно не работает и никогда не работала. И не готовит, да... Мы здесь живем впартером: родители, я и мои бабушки. И денег достаточно, ей работать совсем не обязательно.

— У меня такое впечатление, будто она считает, что никому ничего не должна. Будто ничего не должна этому миру...

— Мне кажется, что она так и думает. Я не могу этого одобрить, хоть и должен как внук поддерживать ее во всем. Я считаю, что человек должен забыть слова: «Я никому ничего не должен». Все мы люди. Каждый из нас что-то должен другому. И я не говорю о деньгах... Все мы что-то должны друг другу в моральном плане, — уверенно высказывается Максим.

— А вот и нет, — вдруг решаюсь возразить я. — Отбери у человека это самооправдание — и он лишится защитной оболочки, которой пытается отгородиться от боли, которую ему причиняет мир.

Нужны самооправдания. Нужны! Иначе люди будут чувствовать себя слишком слабыми и беззащитными.

Да никто и не сможет от них отказаться. Слишком уж ценны они для каждого человека. Можно прожить без хорошего образования, без друзей, без любимой работы... Но без самооправданий, почему у человека нет чего-либо из этого, прожить нельзя.

— Но знаешь... — задумчиво проговариваю я. — При этом люди должны каждую секунду своей жизни помнить, что они очень много *должны* миру... Что они постоянно *должны* делать что-то ради него...

— Ага. Вот только мало кто из людей любит отдавать долги, — замечает Максим.

На этой ноте мы расстаемся. Я иду домой, на душе тоскливо, но в этом мире есть что-то, что немного заглушает эту боль. Что-то, что немного заглушает любую боль... это любимая музыка.

Что бы мог человек без музыки? Как бы жил человек без музыки? Да и жизнь ли бы это была?

Странно... Красоту природы я замечаю почти всегда только ночью. Возможно, днем на это попросту не хватает времени. А ночью жизнь течет не так быстро. И время так растя-я-ягивается... Но не для всех. Кому-то утром на работу, кому-то на учебу. И всем хочется спать. Но кто-то тратит начало ночи на то, чтобы посидеть в компьютере, и у них это время пролетает быстро и бесполезно. А кто-то, как я, позволяет себе вместо этого почитать полчаса перед сном... Почувствовать время... Почувствовать каждую минуту... И насладиться ею.

1 октября, среда

Всем встать, — сухо произносит учитель геометрии.

Этот неэмоциональный, бесчувственный, высокомерный и язвительный баритон предвещает очень сложный день. Да и как день может быть простым, если первым уроком геометрия?

— Здравствуйте, садитесь, — кивает преподаватель. — Прежде всего, хочу сказать, что я не знаю, какому наказанию вас нужно подвергнуть за то, что вы сделали.

По классу проносится недоуменный шепоток, и учитель считает нужным объяснить:

— Дело в том, что сегодня утром у меня из кабинета были украдены ваши самостоятельные работы, которые я уже проверил, но, к сожалению, не успел проставить оценки в журнал... Предупреждаю: если похититель не сознается и не вернет их в течение сегодняшнего дня, то я буду вынужден поставить всем двойки за эту самостоятельную.

В классе повисает пауза.

— Что ж, а теперь начнем наш урок. Тема сегодняшнего урока... — начинает вещать учитель, прохаживаясь между рядами... — Александр! Да как вы могли!

— Что? — недоуменно смотрю на учителя я.

Ну не сделал я, как всегда, домашнюю работу, и что дальше?

— Как вы могли украсть самостоятельные? Неужели вы думали, что... — учитель на несколько секунд замолкает. Потом вытаскивает из моей школьной сумки самостоятельные работы, непонятно откуда там взявшиеся. — Пройдемте после этого урока со мной к директору.

Почти все из класса оборачиваются и удивленно смотрят на меня, одиноко сидящего за последней партой. А как мне всем доказать, что я этого не делал? Каждое мое слово будет казаться детским лепетом и оправданием.

— Послушайте, вот этот вот юноша, — обращается учитель геометрии к директору, — украл с моего стола тетради с самостоятельными.

С дивана поднимается преподаватель истории, который был уже тут, когда мы зашли. Он долго и задумчиво смотрит сначала на меня, потом на самостоятельные работы, которые лежат тут же, на директорском столе.

— Скажите, — вдруг обращается он к учителю геометрии, — а какая обычно у Александра оценка по вашему предмету?

— У него ничего, кроме двоек и троек, не бывает. В прошлом году еле-еле на три вышли... Но если он подумал, что кражей самостоятельных ему удастся...

— Пойдите-пойдите, — машет руками учитель. — Посмотрите, пожалуйста, сюда: работа Александра лежит первой, и у него, между прочим, за эту самостоятельную четыре.

Директор забирает из рук моего союзника листок, долго его рассматривает, после чего задумчиво говорит:

— И в самом деле... Но не хотите же вы сказать, что...

— Его подставили. У него не было повода красть самостоятельные, — уверенно говорит преподаватель истории.

Как хорошо, что у нас с ним такие прекрасные отношения! Я не знаю, что бы я делал без него! Может быть, его даже можно назвать другом? Учитель — друг. Учитель — настоящий друг. Немного странно звучит, но мне нравится.

— Саш, ты иди на следующий урок, — неожиданно мягко говорит мне директор. — А мы тут еще поговорим...

Пятым уроком у нас история, и мне остается только радоваться этому. Учитель приходит к нам в каком-то странном настроении. Открыто мне улыбается, но в то же время каким-то непостижимым образом остается очень серьезным.

— Садитесь-садитесь. Итак, сегодняшний наш урок мы начнем, как обычно, с повторения прошлых тем. Так, Резерфордьеv, к доске! Скажи мне... годы правления Петра I.

Радий на несколько секунд делает задумчивое лицо, после чего отвечает:

— Не могу вспомнить...

— Ладно, тогда расскажи мне причины отсталости Руси накануне правления Петра I.

— Я не знаю, — тихо произносит Радий.

— Последствия создания флота в Воронеже тоже, конечно, не знаешь?

— Нет.

— Садись. Твердая двойка. Как сейчас, так и будет в году.

Радий молчит... Просто злобно смотрит то на учителя, то на меня.

К счастью, сегодня Резерфордьев больше не делает мне никаких пакостей, и я могу немного расслабиться... А то скоро из дома уже выйти страшно будет: вдруг еще что-нибудь случится? Вдруг мой враг поставит мне подножку на лестнице? Вдруг начнет кидаться в меня вареной свеклой? Вдруг я приду завтра в школу, а она уже захвачена пришельцами во главе с Резерфордьевым?

2 октября, четверг

После утреннего душа на меня вдруг безжалостно и беспощадно нападает вдохновение, которому я попросту не могу сопротивляться. Я пишу ту сказку на олимпиаду по психологии. Пишу, пишу, пишу... Я не смотрю на время. Я весь в творчестве... в бумаге, на которой я отображаю свои мысленные образы, в ручке, которая будто танцует на белоснежном листе.

Так я пропускаю первый урок. Но я думаю, результат моего труда того стоит. Когда я дописываю сказку и вдохновение растворяется в окружающей меня обыденности, ко мне постепенно возвращается осознание реальности.

Нужно быстрее бежать в школу, чтобы успеть хотя бы на второй урок! Быстрее! Быстрее!

К счастью, я успеваю вовремя. Я даже прихожу еще за несколько минут до начала урока. Вижу у моего класса Максима. Видно, ждет меня. И... я не могу удержаться от разговора с ним, хотя должен учить биологию. Да, меня обещали спросить. Да, я не учил параграф дома. Но это же не значит, что я получу два!

Когда я захожу в класс, замечаю, что мой учебник по биологии куда-то пропал.

— Ты не видел мою биологию? — спрашиваю у Петьки, оказавшегося рядом.

Мой приятель лишь легкомысленно пожимает плечами и проходит мимо.

Раздается звонок, и мне приходится подойти к своему месту...

Ясно, я все-таки получу двойку. Безысходность тяжело наваливается на плечи, и становится трудно дышать. Сердце бьется чаще, неприятное волнение острой болью колет в груди.

Спросить учебник не у кого: я прекрасно знаю свой класс — почти никто не носит учебник по биологии. Да те, кто носит, его не дадут. Они считают, что он им сейчас крайне нужен.

— Здравствуйте, извините. Можно войти? — раздается от двери голос Вадима.

Поднимаю взгляд. Учитель кивает моему другу, Вадим проходит к моей парте и садится за нее.

— Проспал, — улыбается мой друг.

Потом достает ручку, тетрадку и... учебник по биологии!

Я выхватываю учебник прямо из рук Вадима, вцепляюсь в него железной хваткой, быстро открываю на нужной странице и...

— Александр, вы вроде бы должны были ответить, — произносит учительница.

Сердце ухает вниз.

— Да-да, секундочку повторю, — лепечу я, не прекращая читать.

— У вас было время повторить на перемене, но вы вместо этого прохладжались со своим другом.

— Вообще-то перемена служит для того, чтобы на ней отдыхать и давать расслабление мозгам, — вступает за меня Вадим.

— А я смотрю, тут кто-то слишком умный? Вадим! К доске!

— Не надо Вадима к доске, я сейчас отвечу! — громко и уверенно говорю я, продолжая читать.

— Ну так иди, отвечай, — усмехается учительница.

— Ну и отвечу, — бурчу я.

— Ну и отвечай!

— Ну и отвечу! — совсем наглею я.

— Так, Александр, если вы сейчас не выйдете к доске, то...

— Сейчас выйду.

— Я сейчас поставлю вам двойку.

— Зачем двойку, если я готов ответить? — спокойно спрашиваю я, поднимая глаза от книжки.

Встаю, уверенно иду к доске и отвечаю. На пертку с минусом, между прочим!

А вот учебник по биологии я так и не нахожу. Хотя спрашиваю о нем и у одноклассников, и у учительницы после уроков. В конце концов я прихожу к выводу, что его украл Радий. Хотя не хочется так нехорошо думать о человеке, пусть и сделавшем мне столько плохого.

Перемена между вторым и третьим уроками большая, и это прекрасный шанс отнести мою сказку на редакцию к учительнице русского языка. Мало ли, может, там какие ошибки исправить нужно. Хорошо иметь полезного классного руководителя!

— Хорошо, Саша, сейчас у меня не будет урока, и я проверю. Так что приходи на следующей перемене ко мне, — отвечает преподавательница на мою просьбу.

Повезло так повезло!

На следующей перемене я забираю уже исправленную работу, слушаю замечания по поводу орфографии и отправляюсь переписывать работу начисто, чтобы к концу уроков сдать ее учительнице психологии. Пока иду к своему классу, ко мне приходит странное ощущение, будто психология — это то, чем мне нужно заняться в жизни. Приятное чувство заполняет грудь, теперь я вижу дорогу, по которой должен идти.

Этот день проходит уж как-то слишком быстро. Но что делать! Время уже убежало от меня, и его не догнать!

После последнего урока стучусь в кабинет психолога, захожу. То, что я вижу внутри, заставляет меня замереть от удивления. Напротив учительницы сидит Радий, но как только я захожу, он замечает меня, вскакивает со стула. Идет к двери, толкая меня плечом. Сильным движением открывает ее, выходит и закрывает тихо, явно сдерживаясь.

— Что-то случилось? — недоуменно спрашиваю я.

— Радий переходит в другую школу, — отвечает учительница. — Я сейчас с ним говорила как школьный психолог. Он не рассказывает, почему. Говорит, что из-за переезда семьи.

Что?! Неужели Радий так просто уйдет? Авторитет потерян, поднялось восстание... и все? И достаточно этого, чтобы он уже не чувствовал себя на вершине мира. И этого достаточно, чтобы подорвать его лидерство, поставить под сомнение его способность захватить мир, перестать уважать его силу и власть. Радий не может жить без всего этого. Такова его роль. Он не может продолжать игру в таких условиях. Ему следует перейти на другую сцену с другими декорациями. И там продолжится та линия жизни, которую он ведет. Вся суть его жизни в этой игре, и для него, наверное, нет другого выхода.

А это значит, что я победил. Теперь я знаю, главное — не сдаваться под давлением таких людей, бороться до конца, до последнего. А тут уж кто кого сломит. Нет смысла сдаваться. Сдаваться — дело слабых. Моя воля сильна, и я слабым не буду никогда. Просто потому, что я так решил.